

НУК

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Годъ XXIV.

1915.

3. Franz Boas. *The Mind of Primitive Man. A Course of Lectures delivered before the Lowell Institute, Boston, Mass., and the National University of Mexico, 1910—1911.* New York: The Macmillan Company 1911, pp. X, 294.

Авторъ этой книги, профессоръ антропологии Колумбийского университета въ Нью-Йоркѣ, Францъ Боасъ—одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ антропологовъ. Въ наукѣ о человѣкѣ нѣть ни одной области, въ которой Боасъ не явился бы общепризнаннымъ авторитетомъ и новаторомъ. Небольшая по объему книга, съ заглавіемъ, казалось бы, специальнымъ,—а между тѣмъ она бросаетъ совершенно новый свѣтъ на всѣ этнографические проблемы современности и своимъ глубокимъ философскимъ анализомъ разрушаетъ предразсудки, укоренившіеся не только въ популярной, но и въ ученой этнографической литературѣ.

Заглавіе книги лучше всего, мнѣ кажется, перевести: „Способности первобытного человѣка“, ибо рѣчь идетъ о потенциальныхъ интеллектуальныхъ силахъ, дремлющихъ въ душѣ первобытного человѣка. Идея этой книги, состоящей изъ курса лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ Лоэльскомъ Институтѣ въ Бостонѣ и въ Национальномъ университете въ Мексикѣ, заключается въ томъ, чтобы доказать, что высшая цивилизация бѣлой расы является результатомъ не высшей ея одаренности, а сложившихъ благопріятныхъ условій для ея развитія. Есть высшія и низшія культуры, но нѣть высшихъ и низшихъ расъ.

Боасъ рассматриваетъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, съ точки зрѣнія анатомическихъ, духовныхъ, культурныхъ, соціальныхъ и языковыхъ данныхъ. Онъ опирается при этомъ только на установленные факты и съ необыкновенной логикой выводить изъ нихъ свои взгляды.

Тѣ анатомические признаки, которыми человѣкъ отличается отъ ближайшихъ къ нему человѣкоподобныхъ, одинаково присущи всѣмъ человѣческимъ расамъ. Нѣкоторые признаки, наоборотъ, болѣе выражены въ расахъ, считаемыхъ низшими. Такъ, напр., красная губы, являющаяся особымъ характернымъ признакомъ человѣка, болѣе всего развиты у негровъ. Не отрицая извѣстной корреляціи между анатомическими и интеллектуальными особенностями расы и ея культурой, Боасъ не признаетъ за этими особенностями врожденности и постоянства. Ссылаясь на результаты своихъ измѣреній европейскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ, Боасъ указываетъ, что и анатомія человѣка пластична, что такой признакъ, какъ головной индексъ, можетъ меняться подъ вліяніемъ среды. Работы его объ еврейскихъ и итальянскихъ эмигрантахъ въ Соединенныхъ Штатахъ обратили на себя вни-

маніе какъ въ Новомъ, такъ и въ Старомъ свѣтѣ¹. Боасъ не умалляетъ, конечно, значенія наследственности и подбора. Но отношенію къ нимъ онъ допускаетъ, что вліяніе среды есть факторъ секундарного характера, но, такъ или иначе, окружающая человѣка условія (климатическая, культурная, соціальная и политическая) являются элементомъ, хотя пока еще недостаточно выясненнымъ, но способствующимъ измѣненію особенностей строенія. Открытие Боаса приобрѣтаетъ особую важность теперь, когда въ біологии возвращаются къ некоторымъ идеямъ ламаркизма объ измѣненіи вида подъ вліяніемъ приспособленія къ окружающимъ условіямъ существованія.

Въ главѣ о языке Боасъ доказываетъ, что происхожденію языка должна была предшествовать высокая умственная работа. Образы и идеи создали языкъ, а не наоборотъ. Между языкомъ, расой и культурой нѣть необходимой корреляціи. На одномъ и томъ же языкѣ могутъ говорить народы различного происхожденія и различныхъ культуръ, или народности одного происхожденія могутъ говорить на различныхъ языкахъ и т. д. Развитіе языковъ служить прекраснымъ примѣромъ для установленія факта, что человѣческій прогрессъ не всегда идетъ отъ простого къ сложному, какъ это принято думать вообще и какъ наблюдаемъ это, напр., на развитіи техники. Языки примитивныхъ народовъ отличаются наибольшою сложностью.

На развитіе культуры у различныхъ народовъ Боасъ не смотрѣтъ, подобно Тайлору, какъ на процессъ эволюціоннаго параллелизма, согласно которому отдельы человѣчества проходить черезъ одни и тѣ же звенья эволюціоннаго ряда, чтобы подняться съ низшей на высшую ступень культуры. Тѣ или другія звенья могутъ отсутствовать или слѣдовать въ иномъ порядке. Эволюція является скорѣе конвергентнымъ процессомъ, въ силу которого различные причины могутъ вести къ одному и тому же слѣдствію. Это положеніе Боасъ иллюстрируетъ различными примѣрами изъ области материальной культуры и семейно-соціальныхъ отношеній тѣхъ или другихъ племенъ.

Говоря о характеристикахъ умственныхъ особенностей первобытнаго человѣка по сравненію съ культурнымъ, Боасъ указываетъ, насколько невѣрно общераспространенное мнѣніе, будто первобытный человѣкъ не можетъ подавлять своихъ порывовъ, не въ состояніи долго напрягать свое вниманіе и лишенъ способности яснаго мышленія. Боасъ справедливо полагаетъ, что эти впечатлѣнія могли возникнуть

¹ См. работы Боаса: *Changes in Bodily Form of Descendants of Immigrants*. (Vol. 39, Reports of the Immigration Commission, Washington 1910, Government Printing Office); *Changes in Bodily Form of Descendants of Immigrants* (Amer. Anthropologist, Vol. 14, 1912); *The Head-forms of the Italians as influenced by Heredity and Environment* (Amer. Anthropologist, vol. 15, 1913).

въ умахъ путешественниковъ, не понявшихъ, что первобытные люди имѣютъ совершенно отличную систему цѣнностей, чѣмъ та, которую они, путешественники, измѣряютъ важность вещей. Въ сферѣ своихъ собственныхъ жизненныхъ интересовъ некультурный человѣкъ обнаруживаетъ замѣчательную выдержку, напряженное вниманіе и ясность сужденій.

Предѣлы рецензіи не позволяютъ мнѣ подробнѣе остановиться на содержаніи книги Боаса. Но необходимо сказать, что эта книга производить впечатлѣніе какъ своими новыми идеями, такъ и той осторожностью и научной добросовѣстностью, съ которой авторъ высказываетъ свои взгляды. Боасъ не теорезируетъ, а дѣлаетъ свои выводы изъ фактовъ. Тамъ же, гдѣ онъ высказываетъ гипотезу, онъ неизмѣнно прибавляетъ, что она должна еще быть подтверждена фактами антропологии.

Въ чёмъ можно сдѣлать упрекъ Боасу—это въ томъ, что онъ не достаточно ярко изложилъ свои идеи и что нѣкоторые главы изложены черезчуръ кратко. А между тѣмъ Боасъ—не только выдающійся ученый, но и путешественникъ съ обширнымъ опытомъ. При его громадной эрудиціи и прекрасномъ пониманіи психологіи некультурныхъ племенъ, отъ него можно бы было ожидать болѣе развитаго и обширнаго труда по затронутымъ имъ вопросамъ антропологии.

Въ заключительной главѣ Боасъ переходитъ отъ теоретического изложения своихъ идей къ области практической политики, касаясь расовыхъ проблемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, вопроса объ отношеніяхъ къ иммигрирующимъ въ Америку народностямъ и большого негритянского вопроса. При этомъ Боасъ указываетъ на то, что положенія многихъ авторовъ о характерныхъ умственныхъ различіяхъ между человѣческими расами, — положенія, на которыхъ зиждется современный націонализмъ многихъ народовъ, — вытекаютъ изъ предвзятаго способа изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе онъ не дѣлаетъ всѣхъ выводовъ изъ своихъ собственныхъ положеній, а осторожно прибавляетъ, что для окончательного рѣшенія затронутыхъ имъ вопросъ практической политики у насъ еще нѣть необходимыхъ научныхъ данныхъ. Но,—говорить Боасъ,—научная антропология учить насъ, что мы должны относиться къ чужимъ расамъ съ большею симпатіею. Какъ въ прошломъ всѣ расы тѣмъ или инымъ путемъ со-дѣйствовали культурному прогрессу, такъ и впослѣдствіи онъ будутъ способны двигать впередъ интересы человѣчества, если мы захотимъ дать имъ надлежащую къ тому возможность.

4. M. A. Czaplicka. *Aboriginal Siberia, a Study in Social Anthropology*. (Инородческая Сибирь, изслѣдованіе въ области соціальной антропологии). Oxford, University Press, 1914, pp. I—XIV and 1—374, 16 plates, 2 maps.

Книга эта написана нашей соотечественницей М. А. Чаплицкой, полькой изъ Варшавы, учившейся въ Оксфордскомъ университете. Во время прохожденія курса въ Оксфордѣ Чаплицкая пользовалась стипендией женского Somerville College, а работу эту она сдѣлала по окончаніи университета по отдѣлу антропологии, въ 1912—1913 гг., получивъ на это пособіе отъ Оксфордского Somerville College и Лондонскаго Bedford College. Послѣдніе полтора года Чаплицкая по порученію Оксфордского университета провела въ Сибири, на рѣкѣ Енисѣй, занимаясь изученіемъ тунгусовъ и другихъ племенъ, кочующихъ въ области этой рѣки. Въ августѣ 1915 г. Чаплицкая вернулась изъ экспедиціи, черезъ Петроградъ, въ Англію для обработки собранныхъ ею материаловъ.

Прежде чѣмъ коснуться содержания книги, необходимо сказать нѣсколько словъ по поводу ея заглавія. Въ антропологической терминологии Чаплицкая слѣдуетъ своимъ учителямъ. Подъ „соціальной антропологіей“ англійские антропологи подразумѣваютъ не только отдѣль науки о человѣкѣ, который рассматриваетъ его, какъ члена семьи и общества, но и область, изучающую его духовные запросы. Соціальная антропология обнимаетъ какъ соціологію, такъ и религію. Проф. Мареттъ, читающій въ Оксфордскомъ университете „соціальную антропологію“, касаясь въ своемъ предисловіи къ книгѣ Чаплицкой приводимыхъ ею данныхъ изъ религіозной жизни сибирскихъ инородцевъ, между прочимъ говоритъ: „and to say the religious life of a primitive people is almost to say their social life as a whole“ (p. VIII)¹.

И дѣйствительно, первобытная семья и общество держатся обычаями, а обычаи основаны на вѣрованіяхъ, и такимъ образомъ семейно-соціальные отношенія тѣсно связаны съ религіозными представлениями. Конечно, космогонический отдѣль религіи, или примитивная философія о происхожденіи міра, слабо связаны съ соціологіею, по практическая религія или культь съ его обрядами и табу неотдѣлимы отъ общественного строя. И у культурныхъ народовъ, у кото-

¹ Въ связи съ этимъ интересно отмѣтить распределеніе каѳедръ по антропологии въ Оксфордскомъ университете. Соціальную антропологію читаетъ проф. Р. Р. Мареттъ, наиболѣе талантливый изъ современныхъ англійскихъ антропологовъ. Онъ является преемникомъ маститаго Э. Тайлора, вслѣдствіе тяжелой болѣзни прекратившаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ читать лекціи. Физическую антропологію преподаєтъ проф. А. Томсонъ. „Технологію“ (Technology), подъ которой понимается развитіе материальной культуры, читаетъ д-ръ Н. Бальфуръ, директоръ извѣстнаго Оксфордскаго Pitt-Rivers Museum, въ которомъ предметы выставлены въ эволюціонномъ порядкѣ, а не въ географическомъ или по культурнымъ провинціямъ. „Приисторію“ читаетъ сэръ Джонъ Эвансъ.

рыхъ мораль и право уже завоевали себѣ извѣстное независимое отъ религіи существование, обычаи и законы, касающіеся семьи и общества, проникнуты еще церковными взглядами. Тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ примитивнымъ обществамъ, у которыхъ отдѣль религіи, извѣстный подъ именемъ магіи, связываетъ своими дѣйствіями всѣ дѣянія отдѣльныхъ лицъ и ихъ взаимныя отношенія.

Книга Чаплицкой представляетъ собой компилативную работу и является сводкой данныхъ по религіи и соціологии сибирскихъ инородцевъ на основаніи трудовъ, главнымъ образомъ, русскихъ авторовъ,—трудовъ, написанныхъ, за нѣкоторыми исключеніями, на русскомъ языке.

Къ новымъ работамъ русскихъ изслѣдователей о Сибири, использованнымъ Чаплицкой и опубликованнымъ на англійскомъ языке, относятся труды Богораза и Гохельсона въ изданіяхъ Джесупской экспедиціи и статья Клеменца о бурятахъ въ энциклопедіи *Hastings'a* по религіи и этикѣ.

Понятно, что главныя, болѣе обширныя части книги—вторая и третья—посвящены „Соціологіи“ и „Религіи“. Вторая часть, разсматривающая соціологію, заключаетъ въ себѣ главы: „Соціальная организація“ (гл. III); „Бракъ“ (гл. IV), „Обычаи и вѣрованія, связанные съ рождениемъ“ (гл. V); „Смерть, похороны, будущая жизнь и культура предковъ“ (гл. VI). Третья часть, заключающая въ себѣ данные по религіи, распадается на слѣдующія главы: „Шаманство“ (гл. VII); „Шаманъ, его призваніе и подготовленіе“ (гл. VIII); „Типы шамановъ“ (гл. IX); „Шаманское облаченіе“ (гл. X); „Шаманъ въ дѣйствіи“ (гл. XI); „Шаманство и поль“ (гл. XII); „Божества, духи и душа“ (гл. XIII); „Нѣкоторые обряды“ (гл. XIV).

Первая часть состоить изъ двухъ главъ, посвященныхъ географическому описанію Сибири и обзору этническихъ группъ. Четвертая часть, послѣдняя, озаглавленная: „Патологія“, состоить изъ одной главы, посвященной такъ называемой „полярной истеріи“.

Въ каждой изъ указанныхъ главъ авторъ сгруппировалъ данные о тѣхъ или другихъ сибирскихъ племенахъ, взятыя у различныхъ изслѣдователей или путешественниковъ. Для того, чтобы сдѣлать такую работу, необходимо было разобраться въ обширной литературѣ (въ одной русской бібліографіи, показанной Чаплицкой, приведены 230 названій), подвергнуть критической оцѣнкѣ ея содержаніе и выбрать соотвѣтственныя для работы данные, не погрѣшаючи при этомъ противъ точности передачи точки зрѣнія авторовъ. Въ общемъ, за исключениемъ нѣкоторыхъ промаховъ, Чаплицкая справилась вполнѣ удовлетворительно со своей задачей. Проф. Мареттъ въ своемъ предисловіи къ ея книгѣ даетъ слѣдующій отзывъ о значительности труда: „Долженъ сознаться, что когда я нѣсколько легкомысленно внушилъ миссъ Чаплицкой идею составить монографію о сибирскихъ инородцахъ, то не имѣлъ

заснаго представления о громадности предложенной мною ей задачи" (р. V).

Но Чаплицкая не ограничилась однимъ изложеніемъ данныхъ по источникамъ, а внесла въ ихъ толкованіе и распределеніе нѣкоторая собственная идеи.

Прежде всего интересно дѣленіе Чаплицкой инородческаго населенія Сибири на неосибирцевъ (Neo-Siberians) и палеосибирцевъ (Paleo-Siberians) вмѣсто принятой классификациіи или, точнѣе, группировки на урало-алтайцевъ и палеазіатовъ. Это дѣленіе представляетъ собою вѣкоторое удобство для той цѣли, которую авторъ себѣ поставилъ: группа неосибирцевъ исключаетъ родственныя имъ вибѣсибирскія племена Азіи и Европейской Россіи, а группа палеосибирцевъ оставляетъ въ сторонѣ другіе предполагаемые остатки древняго населенія Азіи. Однимъ словомъ, дѣленіе Чаплицкой касается инородцевъ Сибири исключительно.

Но это дѣленіе вмѣстѣ съ недостатками, которыми страдаетъ старая группировка, имѣть еще свои собственные. Урало-алтайцы объединены въ одну этническую группу на основаніи лингвистического, я бы сказалъ—лингво-психологическаго¹, признака, непригоднаго для антропологической классификациіи. Неосибирцы—тоже терминъ не соматологической. Кромѣ того, едва ли можно назвать финскія племена, входящія въ эту группу, неосибирцами.

Название „палеазіаты“, предложенное покойнымъ академикомъ Шренкомъ для извѣстной группы народностей, было имъ основано главнымъ образомъ на историко-географическихъ соображеніяхъ, которая не могутъ связать эти народности въ одно цѣлое съ точки зрѣнія физической антропологии. То же самое можно сказать по отношенію къ термину „палеосибирцы“. Съ другой стороны, по мысли Шренка, такъ называемые палеазіаты были вытѣснены въ сѣверо-восточную Сибирь пришлыми племенами съ юга. Въ этомъ смыслѣ название „палеосибирцы“ не соответствуетъ термину „палеазіаты“, такъ какъ послѣдніе, какъ полагаетъ Шренкъ, не были древними обитателями Сибири.

Статистическая данная о сибирскихъ племенахъ Чаплицкая заимствовала у Патканова. Такъ какъ Паткановъ, слѣдуя Шренку, причисляетъ алеутовъ и эскимосовъ къ палеазіатамъ, то и Чаплицкая относить ихъ къ группѣ своихъ палеосибирцевъ. Я не могу тутъ распространяться по вопросу о томъ, насколько такая группировка правильна вообще. Скажу объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, въ своей

¹ Я хочу этимъ сказать, что въ то время какъ, напримѣръ, подъ семитическими или арійскими языками мы подразумѣваемъ языки, имѣющіе общее происхожденіе, урало-алтайскимъ языкамъ мы приписываемъ только общіе или сходные фонетические и структурные принципы.

работъ объ алеутахъ. Тутъ укажу только, что относительно количества алеутовъ Чаплицкая привела ошибочно цифру Патканова въ 574 человѣка, какъ относящуюся къ жителямъ Алеутскихъ острововъ вообще (стр. 19). Это—количество алеутовъ, оказавшихся, согласно переписи 1897 года, только на нашихъ Командорскихъ островахъ. Въ американскихъ же владѣніяхъ было по переписи 1910 г. 1.230 алеутовъ.

Въ главѣ „Шаманство и полъ“ Чаплицкая (стр. 253) весьма справедливо отказывается дать известному явлению „перемѣны пола“ у шамановъ одно только физиологическое объясненіе, хотя такъ называемое „превращеніе“ шамана-мужчины въ женщину и vice versa можетъ быть связано съ сексуальными извращеніями; но ея гипотеза объ особомъ соціальномъ положеніи шамановъ, какъ лицъ, принадлежащихъ не къ женскому и не къ мужскому, а къ третьему, среднему полу, не выдерживаетъ критики. Въ основѣ этого явленія лежитъ, мнѣ кажется, взглядъ первобытного человѣка на все то, что выходитъ изъ нормы или изъ сферы обычнаго, какъ на сверхъестественное. Поэтому для увеличенія своей силы шаманъ или шаманка наружно меняютъ свой полъ, сохраняя, конечно, свою физическую природу такою, какою она была прежде. Части женского одѣянія на костюмахъ тунгусскихъ, якутскихъ и другихъ сибирскихъ шамановъ, возможно, являются символомъ или остаткомъ прежняго болѣе полнаго „превращенія“ въ томъ его видѣ, въ какомъ оно сохранилось еще у чукотскихъ шамановъ¹. Въ отдельныхъ случаяхъ, можетъ-быть, „превращеніе“ связано съ ненормальнымъ физическимъ развитіемъ „превращеннаго“, но не это является рѣшающимъ моментомъ, характеризующимъ явленіе „перемѣны пола“,—явленіе, въ своей основѣ, психологического порядка.

Такъ какъ матеріалъ, надъ которымъ оперировала Чаплицкая, неодинаковъ по размѣрамъ, полнотѣ или научнымъ достоинствамъ, то и описание соціально-религіозныхъ явлений по племенамъ отличается крайней неравномѣрностью. Но это, конечно, вина не автора, а самихъ источниковъ. Не всегда также авторъ сумѣлъ отличить сравнительную научную цѣнность нѣкоторыхъ свѣдѣній. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Чаплицкая, предпочтительно предъ другими имѣвшимися у нея источниками, пользуется для транскрипціи якутскихъ словъ или описанія шаманскихъ обрядовъ работой Сѣрошевскаго, а между тѣмъ книга его о якутахъ страдаетъ значительными научными недостатками.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Чаплицкая неточно освѣтила содержаніе источниковъ или вовсе не использовала ихъ.

¹ Трошанскій видѣлъ въ принадлежностяхъ женской одежды на костюмахъ якутскихъ шамановъ пережитокъ того времени, когда шаманами у якутовъ были только женщины. Но эта гипотеза лишена основанія уже потому, что изъ шаманства другихъ племенъ мы знаемъ случаи, въ которыхъ женщины „превращались“ въ мужчинъ.

Такъ, она приписываетъ Богоразу и автору настоящей рецензии мнѣніе о шаманствѣ, какъ о проявленіи религіознаго культа, свойственнааго только съверной Азіи (стр. 166). Можетъ-быть, детальное описание этими авторами шаманства у чукчъ и коряковъ произвело на нее такое впечатлѣніе, но стоитъ внимательно прочесть вводную главу Богораза къ описанію вѣрованій чукчъ, чтобы убѣдиться, что онъ смотритъ на шаманство, какъ на выраженіе извѣстной стадіи въ развитіи религіознаго сознанія вообще. Лично я иду дальше, думая, что главная сущность шаманства, состоящая въ огражденіи людей, при помощи магико-религіозныхъ актовъ, отъ воздействиія злыхъ духовъ, входитъ, какъ элементъ, въ той или иной степени, во всѣ религіи, не исключая и высшихъ¹.

Какъ примѣръ неиспользованія источника, имѣвшагося въ ея распоряженіи, укажу на то, что она не заимствовала изъ моей работы по юкагирскому фольклору описаній шаманскихъ обрядовъ и другихъ данныхъ по религіи юкагировъ, хотя эта работа (Матер. по изуч. юкаг. языка и фольклора, 1900, изд. Ак. Наукъ) значится въ ея библіографіи и значительная часть ея книги посвящена шаманству.

Но указанные мною недостатки не умаляютъ общаго значенія труда Чаплицкой. Пора было бы и нашимъ молодымъ этнографамъ взяться за сводку матеріаловъ этнографической литературы Россіи. Это могло бы дать намъ возможность оглянуться назадъ и указать, что намъ нужно и еще можно дѣлать впереди. Сводка Чаплицкой, не совсѣмъ полная и ограниченная только Сибирью, наглядно показываетъ намъ, что детальными научными изслѣдованіями наша этнографическая литература чрезвычайно бѣдна, а между тѣмъ многое изъ инородческой старины уже потеряно для изслѣдованія безвозвратно, и съ изученіемъ сохранившихся еще остатковъ слѣдуетъ твориться.

Главная заслуга Чаплицкой состоитъ въ томъ, что она открыла англійскимъ антропологамъ малодоступные для нихъ русскіе источники. Мы можемъ только пожелать ей успѣха въ ея намѣреніи продолжать сводку антропологическихъ матеріаловъ о Сибири по отдѣламъ матеріальной культуры, соматологіи и археологіи.

Сдѣлаю еще одно замѣченіе. Книга Чаплицкой печаталась послѣ возникновенія войны. Война не помѣщала англичанамъ обнаружить интересъ къ этнографіи хотя и союзной, но чужой страны.

Вл. Токельсонъ.

¹ Этотъ взглядъ, который я подробно развиваю въ работе (*The Yukaghirs, Part II, Religion and Myths*), имѣющей скоро быть изданной Америк. Музей Естеств. Наукъ въ Нью-Йоркѣ, расходится съ принятymъ теперь многими этнологами мнѣніемъ Фрэзера о „магії“, какъ о предшественницѣ „религії“, которой она уступила свое мѣсто вмѣстѣ съ высшимъ развитіемъ человѣческаго ума.